

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 330.342+338.23+339.9

РОССИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Н.В. Костюкович

Тверской государственной университет, г. Тверь

Показано, что неэффективность российского макрорегулирования обусловлена ошибочным представлением о форме современного капитализма, недооценкой роли олигархических структур. Доказано, что основные игроки глобального рынка делают выбор между коррупцией и терроризмом, как методами реализации своих интересов, в зависимости от условий конкретной страны, что положение России в системе международной конкуренции обязывает её к ведущей роли в борьбе с терроризмом.

Ключевые слова: *форма глобального капитализма; олигархическая система; олигополистическая конкуренция; коррупция; социально-демократические, антидемократические, корпоративистские государства; противодействие терроризму.*

Учащение и усиление кризисных потрясений российской экономики, связано не только с действием внешних факторов, таких как цены на нефть и санкции, но и с неэффективностью наших макрорегуляторов, обеспечивающих взаимодействие отечественного хозяйства с внешней средой. Чтобы принять соответствующие меры, нужно разобраться в причинах этой неэффективности.

После НТР, происшедшей в XX в., развитие экономики и общества стало определяться научно-теоретическими представлениями о целях и средствах их достижения. Многократно возросла цена *ошибок*, которые теперь оказываются непосредственными причинами кризисов.

Как в случае с советской экономикой, оказавшейся без адекватного научного руководства на момент исчерпания ресурса теории директивно-планового управления, России дорого может обойтись использование *устаревших* представлений системного характера. Постсоциалистический опыт показывает, что вред могут принести и попытки задействовать концепции, предлагаемые зарубежными разработчиками, *не учитывающие интересы и особенности конкретной страны.*

В чем состоит основная экономико-теоретическая ошибка, заложенная в экономической политике Российского государства, влекущая нашу экономику в состояние кризиса? Это, по мнению автора, неточное, значит, неправильное понимание характера современного социально-экономического развития.

Ошибка не в принципиальном выборе в пользу рынка, которому нет альтернативы. Нет ошибки и в том, что Россия признала нормальным капиталистический способ производства и накопления ресурсов, стала

открытой экономикой и не стремится закрыть границы для движения капиталов.

Но в идеологии российских реформ не была учтена *форма глобального капитализма*, из которой вытекают особые методы конкурентной борьбы. Этот принципиальный недостаток стал следствием, с одной стороны, слишком простого, некритического применения известных положений марксистской политэкономии, с другой стороны, механического вовлечения этих положений в систему современного экономического мейнстрима. В результате возникла смешение совершенно разных научных аспектов – политэкономического и микроэкономического, находящихся на совершенно разных глубинах теоретических исследований, в разных, «качественно-своеобразных плоскостях, каждая из которых представляет собой сферу действия относительно однородных законов» [1, с. 25]. Этой путаницей воспользовались крупнейшие корпорации – фактические заказчики научных изысканий и оценщики их результатов. Им удалось извлечь из неё выгоду, повернув, на основе рекомендаций ведущих ученых, в нужном для себя направлении вектор экономической политики государств.

В реальности, которая оказалась не вполне соответствующей логике классиков, глобальный капитализм сформировался не как монополистический, а как *олигархический*, что не одно и то же. Пережив мощную тенденцию к монополизации (вплоть до тотального огосударствления капитальных и товарных ресурсов во многих странах и фиксации цен), доминировавшую в начале и середине XX в., рынки сменили вектор своего развития и к настоящему моменту, в большинстве своем, приобрели *олигополистическую* структуру. Даже производство общественных благ подверглось олигополизации – путем аллокации – распределения налогов, бюджетов, собственности и полномочий между целым рядом уровней общественного сектора.

Между тем, общественности было привито понимание того, что монополия является худшей рыночной структурой, мешающей развитию здоровой рыночной конкуренции, а государство, как коренной, наиболее вредный и опасный монополист, должно быть, в максимально возможной мере, лишено собственности и вытеснено из экономики.

Исходя из таких представлений, радикальные преобразования в России были нацелены на максимально быструю приватизацию государственного имущества, которая и сейчас остается у нас одним из основных официально заявленных направлений экономической политики. Несмотря на крайне тяжелые потери, понесенные экономикой и населением нашей страны в результате приватизации, контрастирующими с огромными позитивными изменениями, которые произошли в результате рыночных преобразований в Китае и Вьетнаме, которые были проведены без крупномасштабной приватизации [3], применение этого инструмента стало у нас навязчивой идеей.

Таким образом, по поводу дальнейших преобразований, которые мыслятся нашим научным истеблишментом в качестве инструментов продолжения и повышения эффективности рыночных преобразований, сформировался «тандем» идей – 1) демонополизация, 2) приватизация. Хотя это типы преобразований, относящиеся, соответственно, к сферам

микроэкономики и политэкономии, в отечественной лексике их принято называть институциональными.

Дело в данном случае не просто в используемом термине, а в смысле, который в него вкладывается. Институциональными следует считать такие преобразования, которые увязываются с другими направлениями действий в сфере экономической политики, поэтому детально разрабатываются и просчитываются, чтобы избежать попадания в *институциональные ловушки* [2, с. 74]. Судя по тому, как принято проводить приватизацию, не только у нас, но и в других странах, и по административной форме организации процесса, и по плачевным результатам – к преобразованию норм поведения экономических субъектов она не имеет прямого отношения. По сути, это только средство, с помощью которого реализуются интересы олигархических структур.

Идеологически и практически приватизация, якобы совмещаемая с демонополизацией, дезориентирует реальный сектор экономики. Это вполне объяснимо с позиций микроэкономического анализа, если сопоставить монополию с олигополией, не указывая заранее, что есть хорошее, а что – плохое.

Как микроэкономическая рыночная ситуация, монополия предполагает, что на рынке один продавец. Он может неограниченно завысить цену – но тогда он потеряет огромную часть своей клиентуры и недополучит прибыль. Реальный, разумный монополист (не монополист-идиот, который предполагается в канонической, неоклассической микроэкономике), чтобы максимизировать свою прибыль, конечно, цену завысит по сравнению с некой равновесной (равной его средним или предельным издержкам), но только для наиболее состоятельных покупателей, готовых платить такую цену. Для остальных покупателей он сделает цену ниже, с учетом того, что тогда продаст товара больше и получит от этого дополнительную прибыль. Возможно, маркетологи фирмы-монополиста смогут установить несколько уровней цен для различных групп покупателей, так чтобы бедные могли купить товар дешевле, а те, кто богаче – дороже.

Монополизм, будь то государственный или частный, предполагает, очевидно, контроль над рынком, его централизованную эксплуатацию и развитие монополистом, создающим вокруг него планирующую систему. Монополистический капитализм, таким образом, это экономика с контролируемыми рынками, становящимися инструментами планомерного решения и государственных, и корпоративных задач.

Если же речь идёт об олигархической форме капиталистических отношений, нужно представить олигополистический рынок – где борются несколько фирм, ни одна из которых не обладает контролем над рынком и выступает на нём в качестве игрока, который может вступать во временные союзы с другими игроками. Действующая на таком рынке фирма может создать только внутреннюю плановую систему, работа которой будет периодически нарушаться неконтролируемыми внешними факторами.

Меньшая стабильность и более низкая эффективность – принципиальные недостатки *олигархической системы* капиталистических отношений по сравнению с монополистической. Монополист готов увеличивать производство и снижать цены, поскольку это принесет ему

дополнительную прибыль и укрепит его контроль над рынком. Олигополистическая фирма, даже без сговора с конкурентами, предпочтет поддерживать высокий уровень цен и снизить производство – чтобы избежать ценовой войны и ответных действий со стороны конкурентов.

Особый вред экономике и обществу наносит конкуренция олигополистических, подконтрольных узкому слою финансовой олигархии, структур. Огромные финансовые возможности – и столь же огромные финансовые риски в наибольшей мере определяют анти социальную активность этих структур, игнорирование ими как моральных норм, так и требований законодательства.

Особая практика *олигополистической конкуренции* – манипулирование общественным мнением – рекламные и политические компании, осуществляемые через подконтрольные СМИ, научно-исследовательские и образовательные институты. Важную роль в обеспечении эффективности такого манипулирования отводится экономико-теоретическому официозу – неоклассическому (или модифицированному – институционально-неоклассическому) мейнстриму, задачей которого является обосновать необходимость антимонопольной политики вместо политики анти олигополистической.

Обратим внимание и на другие средства, которые широко применяются при выяснении отношений между *несколькими* крупнейшими участниками некоего рынка, идет ли речь о местном или региональном уровне или о борьбе между глобальными ТНК. В периоды «затишья» - это шпионаж и рейдерство. Во время «острых схваток» за передел рынка, с вероятным уничтожением кого-то из соперников – информационные и физические диверсии.

Когда в этих целях привлекается госаппарат, естественным образом возникает такое явление, как коррупция. В сущности, она служит механизмом реализации интересов олигархических структур посредством сделок со структурами политической власти, выходящими со своими специфическими услугами (финансово-перераспределительными, административно-репрессивными, информационными) на черный олигополистический рынок. Общее богатство долларовых миллиардеров, действующих в «рентоориентированных», опекаемых государством отраслях, оценивается американскими и индийскими исследователями в \$1,75 трлн. и имело, по их мнению, тенденцию к сокращению в последние годы в связи с либерализацией экономики[4].

Если же в качестве исполнителей выбираются криминальные структуры (участники тоже олигополистического рынка, только других услуг), методом исполнения всё чаще становится террор, по сути – пользующаяся спросом услуга по уничтожению и устрашению конкурентов. Заказчик терактов, их «политическая крыша» и финансовый спонсор – «всё та же финансовая олигархия», указывает Л.Ивашов [5]. Ущерб мировой экономики от терактов имеет тенденцию к росту. Только непосредственные потери от них (без учета расходов на усиление безопасности, страховых выплат и т.п. дополнительных косвенных затрат) в 2014 г. составили \$52,9 млрд., превысив потери предыдущего года на \$20 млрд., а 2000 г. – в 10 раз [6].

В глобальной рыночной системе её основные пространственные структуры – государства участвуют в конкурентных отношениях на общих основаниях с другими субъектами. Их наиболее важная клиентура – это ТНК и финансово-инвестиционные группы, за которых государственные образования соперничают между собой и с глобальными криминальными структурами.

Государства являются производителями общественных благ – услуг организованности и безопасности. В рамках государственности может существовать несколько уровней властей – общегосударственного (федерального), регионального (субфедерального), местного (муниципального), поселенческого (субмуниципального) уровней.

Частью прерогатив официальные власти могут делиться с общественными организациями – в целях приближения властей к подведомственным сферам, что также подрывает монополию государства на рынке общественных благ. Но основную конкуренцию государствам составляют криминальные структуры, которые производят «блага» антиобщественные, способствующие дезорганизации и общей деградации экономики и общества.

Стоит различать виды государств по их ориентации, связанной со степенью влияния ТНК. Одни государства (их можно обозначить как *социально-демократические*) ориентируются на повышение уровня и качества жизни населения, другие («*антидемократические*») – на всемерное содействие повышению прибыльности ТНК и финансовых групп. Третьи («*корпоративистские*») жестко контролируют экономику страны через систему участия в стратегически значимых организациях, опираясь на поддержку и корпоративного аппарата, и на определенные слои населения благодаря селективному популизму.

По мнению автора, страны наиболее развитые относятся к первой группе, большинство развивающихся государств – ко второй группе, Россия, Китай, их союзники и ряд других, политически наиболее стабильных стран «третьего мира» – к третьей.

С точки зрения методов ведения конкурентной борьбы, это деление государств имеет существенное значение. К коррупции сильнее тяготеют страны третьей группы, поскольку в них олигархам выгоднее взаимодействовать с сильными официальными властями, чем с относительно слабым криминалитетом. К терроризму в большей мере склонны государства первой и второй групп.

В первой группе стран сосредоточено большинство глобальных олигархических группировок [4], их территорию и экономику они берегут от потрясений и выносят конкурентные разборки в страны второй группы, для которых характерна слабая государственность, не способная ни оказать серьезного противодействия «параллельным», криминальным властям, ни составить им достойную конкуренцию в обслуживании интересов ТНК. Терроризм во второй группе стран генерируется как предложение в ответ на спрос извне, со стороны глобальных инвесторов и становится специфической отраслью мировой экономики, для развития которой в указанных странах присутствуют наиболее благоприятные условия, такие как массовая нищета, незанятость населения, наличие острых социально-экономических

противоречий, а главное – слабая государственность. Россия, заметим, в 1990-е годы имела такие условия и входила во вторую группу стран.

В первую группу стран террор импортируется по мере появления заказчиков – заинтересованных субъектов. Таковые не афишируют свои заказы, исполнение которых способно обеспечить определенным, осведомленным игрокам быстрое получение финансового выигрыша или достижение стратегического преимущества в определенной сфере.

Заметим, что практически всегда крупные теракты в первой группе стран бьют по экономике стран третьей группы, имеющей экспортную ориентацию, поскольку свидетельствуют об ослаблении государственных институтов и ухудшении перспектив международной торговли. Особенно негативно теракты сказывается на российской экономике, имеющей выраженную ориентацию на экспорт и привязанной к мировым ценам на нефть. Ведущая роль России в борьбе с терроризмом, таким образом, обусловлена нашими экономическими интересами в системе международной конкуренции.

В этой связи можно говорить о жестком противостоянии России глобальным олигархическим структурам, использующим террор в качестве основного средства ведения конкурентной борьбы. Это противостояние затрудняет наше положение. Но тот факт, что оно перестало быть скрытым, замаскированным под взаимовыгодное сотрудничество, делает положение России более определенным и открывает для руководства страны перспективы проведения внятной и более эффективной политики.

Поскольку речь идет о столкновении интересов страны с интересами ряда мощнейших ТНК, скрыто оперирующих диверсионно-террористическими инструментами, в России нельзя понижать уровень государственного участия и контроля, особенно в таких сферах, как финансы, охранная деятельность, производство оружия, т.к. это чревато усилением позиций организаций террористического характера. Финансовые транзакции следует строго закрепить за банками, прекратив их увод в тень через микрофинансирование, которое вырождается в ростовщичество, сопряженное с криминалом. Должна быть категорически прекращена деятельность частных вооруженных формирований типа охранных предприятий и коллекторских агентств, практикующих террористические методы защиты олигархических интересов [7]. В соответствующей мере следует простимулировать повышение активности и эффективности правоохранительных органов, с тем, чтобы указанные интересы в проведении терактов были раскрыты и подавлены юридической ликвидацией их спонсоров и заказчиков.

Поскольку нити от непосредственных исполнителей могут тянуться и к некоторым крупнейшим компаниям мира, необходимо наладить сотрудничество в *противодействии терроризму* с зарубежными государствами и корпорациями, практикующими законные способы ведения конкурентной борьбы. Очевидным является совпадение в этом плане интересов стран БРИКС и ШОС с перспективой формирования на их основе глобального антитеррористического блока.

Такой блок, определенные шаги к созданию которого уже сделаны [8], может стать группировкой стран нового, политико-экономического типа. Интеграционные процессы в ней сочетались бы с решением задачи

обеспечения военной и политической стабильности в мире на основе соединения не только экономических, но и военно-стратегических потенциалов наиболее влиятельных развивающихся стран, представляющих различные регионы планеты.

Такой блок стал бы противовесом государствам «золотого миллиарда» (сообща проводящим политику в интересах своих корпораций), вплоть до формирования альтернативных глобальных финансовых и информационных институтов – аналогов Всемирного банка (таковым может стать Новый банк развития БРИКС [9]), МВФ, рынка ФОРЕКС, сети ИНТЕРНЕТ и т.д.

Список литературы

1. Карасева Л.А. О методе структурных уровней в исследовании хозяйственной системы // Вестник ТвГУ. Серия «Экономика и управление». 2012. Выпуск 15. С. 25-33.
2. Новикова Н.В. Проблемы новых институциональных форм взаимодействия бизнеса и власти в регионе // Вестник ТвГУ. Серия «Экономика и управление». 2014. Выпуск 23. С. 68-76.
3. http://vasilieva.narod.ru/3_2_97.htm/ Чжоу Синьчэн. Экономическая реформа в Китае: достижения и задачи.
4. <http://www.forexpf.ru/news/2016/05/18/b4ef-byt-oligarkhom-pri-vlasti-uzhe-ne-modno-i-dazhe-opasno.html> /Быть олигархом при власти уже не модно и даже опасно.
5. <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?id=2&n=4&y=2005> /Наш современник. 2005. №4. Леонид Ивашов. Россия в геополитической системе координат.
6. <http://expert.ru/2015/11/20/terrorism-oboshelsya-globalnoj-ekonomike-v-proshlom-godu-v-53-mlrd-dollarov> /Сергей Мануков. Экономисты оценили потери глобальной экономики от терроризма // «Expert Online» 20 nov 2015.
7. http://www.newsru.com/arch/russia/07apr2016/putin_kollektori.html /Новости NEWSru.com ::Путин потребовал прекратить деятельность «квази-коллекторов».
8. <http://economtermin.ru/jekonomicheskie-terminy/mezhdunarodnye-otnoshenija/617-sammity-briks-i-shos-v-ufe-itogi.html> /Саммиты БРИКС и ШОС: итоги.
9. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6386#top-content /РСМД: Новый банк развития БРИКС: от частного к общему.

ECONOMIC THEORY IN THE GLOBAL SYSTEM OF OLIGARCHIC CAPITALISM

N.V. Kostyukovich

Tver State University, Tver

The inefficiency of the Russian macro regulation is due to misconceptions about the shape of modern capitalism and underestimation of oligarchic structures role. Major players in the global market make the choice between corruption and terrorism as a means for realization of their interests, depending on country-specific conditions. Position of Russia in a system of international competition obliges to play leading role in the fight against terrorism.

Keywords: *a form of global capitalism; monopolism; oligarchic system; oligopolistic competition; corruption; terrorism; social-democratic, anti-democratic, corporative states; countering terrorism.*

Об авторе:

КОСТЮКОВИЧ Николай Витальевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Тверского государственного университета (170000, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: economics.theory@tversu.ru

About the author:

KOSTYUKOVICH Nikolaj Vital'evich – Candidate of Economic, Department of Economic Theory, Tver State University (33, Zhelaybova St., Tver, 170000), e-mail: economics.theory@tversu.ru

References

1. Karaseva L.A. O metode strukturnyh urovnej v issledovanii hozjajstvennoj sistemy //Vestnik TvGU. Serija «Jekonomika i upravlenie». 2012. Vypusk 15. S. 25-33.
2. Novikova N.V. Problemy novyh institucional'nyh form vzaimodejstvija biznesa i vlasti v regione // Vestnik TvGU. Serija «Jekonomika i upravlenie». 2014. Vypusk 23. S. 68-76.
3. http://vasilievaa.narod.ru/3_2_97.htm/ Chzhou Sin'chjen. Jekonomicheskaja reforma v Kitae: dostizhenija i zadachi.
4. <http://www.forexpf.ru/news/2016/05/18/b4ef-byt-oligarkhom-pri-vlasti-uzhe-ne-modno-i-dazhe-opasno.html> /Byt' oligarhom pri vlasti uzhe ne modno i dazhe opasno.
5. <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?id=2&n=4&y=2005> /Nash sovremennik. 2005. №4. Leonid Ivashov. Rossija v geopoliticheskoj sisteme koordinat.
6. <http://expert.ru/2015/11/20/terrorizm-oboshelsya-globalnoj-ekonomike-v-proshlom-godu-v-53-mlrd-dollarov> /Sergej Manukov. Jekonomisty ocenili poteri global'noj jekonomiki ot terrorizma // «Expert Online» 20 nov 2015.
7. http://www.newsru.com/arch/russia/07apr2016/putin_kollektori.html /Novosti NEWSru.com ::Putin potreboval prekratit' dejatel'nost' «kvazi-kollektorov».
8. <http://economtermin.ru/jekonomicheskie-terminy/mezhdunarodnye-otnoshenija/617-sammity-briks-i-shos-v-ufo-itogi.html> /Sammity BRIKS i ShOS: itogi.
9. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6386#top-content /RSMD: Novyj bank razvitija BRIKS: ot chastnogo k obshhemu.